

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Т. Н. Гончарова

ПРОЗОРЛИВЫЙ НАЦИОНАЛИСТ: ЖУРНАЛИСТ И ИСТОРИК ЖАК БЭНВИЛЬ

Жак Бэнвиль почти неизвестен в России. Иное дело во Франции. В Париже его именем названа небольшая площадь, прилегающая к бульвару Сен-Жермен в VII-м квартале. Исторические труды Бэнвиля до сих пор популярны. В особенности «История Франции» и «Наполеон», которые по мере выхода из печати в 1920–1930-е гг. становились бестселлерами. Среди особенностей авторского стиля Бэнвиля – ясность и лаконизм изложения, глубина анализа исторических фактов. Он стремился не к картинности и анекдотичности, а к проникновению в суть событий и как можно более доходчивому объяснению их читателю. Однако Ж. Бэнвиль не был профессиональным историком. Главным его занятием была журналистика. Талантливый журналист на службе «Аксен франсез», он уделял особенное внимание внешней политике Третьей республики, и, прежде всего, франко-германским отношениям.

1879 года рождения, Ж. Бэнвиль прожил недолгую жизнь, всего 57 лет. За несколько месяцев до кончины он удостоился большой чести, будучи избран во Французскую Академию на место Ремона Пуанкаре. Некоторые факты из биографии Бэнвиля позволят понять его интерес к германской проблематике.

Жак Бэнвиль происходил из мелкобуржуазной семьи. Его отец был торговцем лесом в Венсенне. Юные годы будущего историка были окутаны атмосферой сожалений об утраченных Францией вследствие поражения 1870–1871 гг. провинциях (Эльзас и Лотарингия). Семейство Бэнвилей имело лотарингские корни и особенно остро переживало национальную утрату. Германский сосед воспринимался как источник постоянной опас-

ности и резонно, ведь в течение XIX в. немцы трижды добирались до Парижа (1814, 1815, 1870). Исходя из постулата о том, что врага следует знать в лицо, юный Бэнвиль изучал язык Гёте, а с 1896 г. регулярно проводил каникулы в Берлине, во Франкфурте или в Мюнхене. Однако было бы ошибочным видеть в этом интересе только утилитарную направленность. В нем присутствовала и известная доля увлеченности великими творениями германского национального духа в области поэзии, философии, искусства, музыки. Хотя, как отмечает Патрис Гениффе, исследователь творчества Бэнвиля, он рано утвердился во мнении, что «наиболее приятное и достойное восхищения в немецкой культуре это то, что там имеется наименее немецкого, французские заимствования или произведения, созданные под французским влиянием»¹.

Воспитанный на республиканских идеалах, Ж. Бэнвиль стал монархистом в ходе одного из путешествий в Германию². Увязав германскую мощь с политической стабильностью и преемственностью, обеспечиваемых монархической формой правления, Бэнвиль навсегда расстался с республиканскими предпочтениями. Наследственная и авторитарная монархия, пришел он к выводу, лучше вооружена для защиты высших интересов нации по сравнению с парламентской республикой, пребывающей во власти политических партий. Это убеждение в превосходстве монархии над республикой, которое Бэнвиль вынес из своего германского опыта и пронес через всю жизнь, подпитывалось на родной почве чтением И. Тэна, Э. Ренана и в особенности М. Барреса, автора популярных тогда книг «Культ я» и «Лишенные почвы». Активный сторонник генерала Буланже, Морис Баррес зарекомендовал себя как основатель и глава французского «интеллектуального национализма», чуткого к германской опасности. Неудивительно, что это движение нашло в Бэнвиле горячего адепта.

До 1880-х гг. националистами во Франции традиционно были отвержены левых взглядов. Вспомним хотя бы республиканцев эпохи Июльской монархии, которые призывали к борьбе за уничтожение Венских договоров, тогда как Луи-Филипп выказывал себя пацифистом, или Коммунаров, которые призывали к продолжению борьбы против Пруссии, тогда как Адольф Тьер жаждал мира. Однако с тех пор как волна буланжизма накрыла Францию в 1886 г., французский национализм резко поправел. Умеренные республиканцы у власти не желали провоцировать конфликты с Германией, в то время как националисты из числа правых, к примеру, Поль Дерулед, требовали реванша. К тому же коррупция и

аферы республиканского режима, Панамский скандал, дело Дрейфуса, способствовали популярности националистических идей среди молодого поколения.

Судьбоносная для Бэнвиля встреча с Ш. Моррассом в 1899 г. положила начало 35-летней дружбе. Оба были монархистами в то время, когда монархическая идея была на излете. Причем монархизм их был не сентиментальный и не ностальгический, а исключительно рассудочный. Шарль Моррасс, литератор и один из основателей националистического движения крайне правого толка «Аксъён франсез», привлек Бэнвиля к сотрудничеству в «Gazette de France», а также в журнале, который с 1908 г. был преобразован в ежедневную газету «L'Action française». Учитывая, что вся последующая биография и профессиональная деятельность Бэнвиля неразрывно связаны с «Аксъён франсез», имеет смысл осветить в нескольких словах основы идеологии и деятельности этой организации.

Ее идеологией стал сформулированный Моррассом «интегральный национализм». «В сущности, роялизм соответствует всем постулатам национализма: именно поэтому он сам себя обозначил как интегральный национализм»³, – разъяснял Моррасс сущность изобретенного им понятия в книге «Мои политические идеи». «Интегральный национализм», по мысли его создателя, подразумевал восстановление во Франции монархии, «традиционной, наследственной, антипарламентской и децентрализованной»⁴. Преследуя конкретные политические цели, лига «Аксъён франсез» являла собой также интеллектуальное движение, лабораторию идей и имела большое влияние в обществе, особенно после Первой мировой войны. Соратниками Бэнвиля были полемист и романист Леон Доде, сын автора «Писем с моей мельницы», историк Пьер Гаксот и многие другие популярные литераторы. Основанная Л. Доде газета «L'Action française» выходила большими тиражами. На пике своей популярности в первой половине 1920-х гг. газета располагала 45 тыс. подписчиков и примерно таким же количеством покупателей. Правда, после того, как Пий XI осудил движение в 1926 г., тиражи газеты сократились за счет потери приверженцев из числа католического населения. Тогда же движение приобрело еще более экстремистские черты, нежели в момент своего основания, на рубеже веков.

Боевые отряды «Аксъён франсез» приняли участие в вооруженной попытке захвата Национального Собрания 6 февраля 1934 г. Жестокие бои развернулись на правом берегу Сены, на площади Согласия, напротив Бурбонского дворца, где заседали депутаты. Путч, который принято

называть фашистским, был организован разнородными политическими группировками. Это хорошо известный факт, на котором, как представляется, не акцентируют достаточно внимания, как и на том, что монархическое движение «Аксъён франсез» не имело ничего общего с фашизмом. Созданное раньше, оно не располагало четкой партийной структурой, харизматическим лидером и не симпатизировало Гитлеру. Из него вышли самые разные политические деятели, в том числе Шарль Де Голль и Франсуа Миттеран. Однако антисемитизм и насилие, а также необузданные речи Морраса могли ввести в заблуждение относительно настоящей природы движения.

Ж. Бэнвиль разделял идеологические установки «Аксъён франсез», но ему были чужды агрессия и всякие проявления фанатизма. Не был он и антисемитом, хотя даже если бы и был, по тем временам в этом не было ничего зазорного. Это теперь, после Аушвица, антисемитизм воспринимается с отвращением и чувством гадливости. А на рубеже веков многие французы, следуя католической традиции, искренне верили в заговор евреев, да и движение «Аксъён франсез» зародилось как реакция на выступления дрейфусаров. В отличие от Морраса, резкого и несдержанного поэта, Бэнвиль был спокойным и рассудительным. Приятной наружности, элегантный и хорошо воспитанный, он был слишком утонченным для систематических нападок на евреев или угроз в адрес политиков. Главным в его творческом наследии был анализ причин и последствий исторических событий, в том числе и тех, свидетелем которых он являлся.

Ежедневная газета «L'Action française» была настоящей трибуной, с которой Бэнвиль излагал свои мысли, суммируя их впоследствии в менее эфемерной книжной продукции. И самым поразительным было то, что он неоднократно и безошибочно угадывал будущий ход истории. В течение многих лет Бэнвиль был, по образному выражению Франсуа Мориака, «впередсмотрящим Франции»⁵.

В статьях, написанных за год – два до начала Первой мировой войны, Бэнвиль призывал своих соотечественников быть начеку. Предчувствие неизбежности мирового конфликта витало в воздухе. Однако во французских правых кругах, как и в левых, уповали на то, что войну можно будет предотвратить или, во всяком случае, отсрочить. Соблазнительная иллюзия подпитывалась огромной стоимостью вооружений и протестными действиями социалистов. «Мое ясновидение, – читаем в дневнике Бэнвиля, – заключалось в расчете, что русский союз, через восточные

дела, вовлечет нас в большую европейскую войну, и что республиканская анархия звала, провоцировала германскую интервенцию»⁶.

Но корень зла, по мнению Бэнвиля, гнезвился в объединении Германии 1871 г. под эгидой милитаристской Пруссии. Преступное ослепление, овладевшее французами после 1789 г., сделало его возможным. Этот тезис Бэнвиль безустанно развивал в целом ряде своих ранних и более зрелых трудов: «Республика Бисмарка» (1905), «Бисмарк и Франция» (1907), «История двух народов» (1915), «История трех поколений» (1918), «История Франции» (1924). Дважды, утверждал он, в середине XIX века Франции представилась возможность разрушить германский милитаризм, и дважды она пренебрегла ею. В первый раз – в 1840 г. во время Восточного кризиса, когда Франция могла бы вступить в войну против Пруссии, провокационно бряцавшей оружием на границе. Во второй раз, – когда Наполеон III пренебрег поддержать Австрию в 1866 г. во время ее войны с Пруссией, которая привела к поражению австрийцев при Садова.

В пылу полемического задора Бэнвилю случалось высказывать слишком безапелляционные суждения. Так, он явно преувеличивал, говоря о пиетете, с каким французы относились к Пруссии в революционный и послереволюционный период. Наполеон, как известно, разбил пруссаков при Йене (14 октября 1806) и не делал подарков королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III, лишив его на следующий год в Тильзите половины его владений. Позволим себе усомниться, что в Восточном кризисе 1840 г., «неосторожно раздутом Тьером до такой степени, что Европа была поставлена на грань всеобщего конфликта»⁷, Франция смогла бы безнаказанно объявить Пруссии войну. «Когда национальные страсти взаимно воспламеняются, – пишет современный историк Пруссии М. Керотре, – а поэмами обмениваются как пощечинами или вызовами на дуэль, «Немецкий Рейн» Мюссе против «Рейнской мелодии» Николя Бекера или «Караула на Рейне» Шнекенбургера, прусское оружие на западной границе Германии становится внезапно эгидой нации»⁸. Достигнув пароксизма, противостояние двух национальных самолюбий спало. Как представляется, к счастью. Война с Пруссией в условиях, когда та состояла в союзе с Англией, грозила бы Франции неминуемым разгромом, учитывая международную изоляцию, в которой она пребывала на тот момент.

Национальная идея была у основания германской мощи. Министры Второй империи, как и сам Наполеон III, по мнению Бэнвиля, были воплощением бездарности и государственной близорукости. Он делал исключение лишь для Ш. де Морни, Э. Друэн де Льюиса и Э. Тувенеля.

Выступая перед Законодательным корпусом 15 июля 1870 г., глава правительства Эмиль Оливье неосторожно обронил, что принимает войну «с легким сердцем». Не раз впоследствии, отмечал Бэнвиль в своем дневнике, «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, обсуждая дела прошлых лет со своим итальянским коллегой Ф. Криспи, насмешничал по поводу наивности французских политиков. «Месье, если бы мне пришлось в моей жизни принести столько несчастья моей стране, сколько вы принесли вашей, я счел бы, что и остатка моих дней недостаточно, чтобы вымолить прощение у Всевышнего...»⁹, – писал Бисмарк в письме к Э. Оливье. «Нет никакого сомнения, – комментировал Бэнвиль, – что Эмиль Оливье ничего не понял. Он был убежден, – как и Наполеон III, – в благородстве замысла сделать счастье великой Германии и в то же время счастье Франции и что злой Бисмарк все извратил в этом великолепном и щедром проекте»¹⁰.

Бичуя заблуждения политиков XIX в., Бэнвиль неустанно прославлял «в высшей степени реалистичный гений Капетов, умело использующий события, способный учиться на опыте»¹¹ и приложивший все необходимые усилия для того, чтобы обезопасить восточную границу Франции. «Что французская монархия на практике совершила некоторые ошибки, что она не была безупречной, в этом нет ничего удивительного. Но поразительно то, что никогда она не упорствовала в заблуждении и в особенности то, что она не изменила принципам и не потеряла из виду своей цели. Неловкие повороты штурвала были вовремя подкорректированы, ход выровнен при первом же сигнале о том, что корабль устремился по ложному пути»¹². Бэнвиль признавал, что французские короли совершали ошибки, но считал, что у них доставало здравого смысла вовремя одуматься. Однако и в этих рассуждениях историка можно обнаружить уязвимые места.

Утверждая, что Людовик XV прозревал опасность в Пруссии, Бэнвиль упускал из вида, что именно благодаря помощи французского короля Фридрих II сумел завоевать Силезию. При заключении Аахенского мира в 1748 г. Людовик XV оставил большую часть своих завоеваний, всю Бельгию (тогдашние Австрийские Нидерланды) единственно для того, чтобы быть приятным Англии. Он рассчитывал, вероятно, что сможет избежать таким путем будущих кровавых конфликтов, но тщетно (Семи-летней войны ему не удалось предотвратить). В ходе безрезультатного своего участия в войне за Австрийское наследство французы «работали на прусского короля», по едкой замечанию Вольтера, которое вошло в

поговорку. Подходя к истории с точки зрения насущных политических проблем современности, Бэнвиллю не раз приходилось допускать исторические анахронизмы, приписывая политическим деятелям прошлого мотивировки, далекие от контекста, в котором им приходилось жить и действовать¹³.

В августе 1914 г., когда многие офицеры надеялись, что шести недель будет достаточно, чтобы разгромить противника, Бэнвильверял своему дневнику мысли о неизбежности многолетней войны, сопряженной с большими жертвами¹⁴. Казалось бы, роялистский писатель должен был вызывать настороженность республиканских властей... Тем не менее, в 1916 г. по поручению президента Р. Пуанкаре Бэнвиль отправился с неофициальной миссией в Россию. Его патриотизм был вне подозрений. Поездив в течение четырех месяцев по российским просторам до Одессы и Владивостока, Бэнвиль констатировал революционное брожение в умах, спрогнозировав близкую бурю. Тем не менее, и, несмотря на выход объятый революционным пламенем России из войны, победа увенчала четырехлетнее напряжение сил союзников по Антанте.

В 1920 г. вышла из печати поистине пророческая книга Бэнвиля «Политические последствия мира». В этой книге он подверг критике Версальский договор от 28 июня 1919 г., разобрав, как и почему он приведет к новому мировому конфликту. Бэнвиль не был единственным, кто предсказал дальнейшее развитие событий с интервалом в 15–20 лет. Экономист Дж. Кейнс, историк Е. В. Тарле представили не менее глубокое видение несовершенств Версальского мира, обозначив будущие проблемы¹⁵. Тем не менее, прозорливость и глубина анализа Бэнвиля достойны восхищения. Главным промахом Версальского мира журналист считал сохранение единой и централизованной Германии, хотя и в республиканской форме, усматривая в ней потенциальную опасность для Франции, Польши, Чехословакии, Австрии.

Еще в самом начале кровавого конфликта, в 1914 г., Бэнвиль размышлял о возможных его результатах, поверяя дневнику свои мысли о необходимости расчленения Германии. Так, 23 сентября он записывал: «Если бы старый Катон, который добился того, что Рим разрушил Карфаген, жил среди нас, он повторял бы всякий день союзникам: «Необходимо разрушить германское единство и уничтожить Пруссию, которая является на протяжении вот уже двух веков бичом наций, злым духом, который губит европейский мир...»¹⁶. В записи от 3 ноября читаем: «Единственным способом помешать Германии вредить было бы вернуть ее к прежне-

му состоянию «разъединенной мозаики»...»¹⁷. Впоследствии, 26 декабря, Бэнвиль развил эту мысль: «Мы были в безопасности, когда по ту сторону Рейна, вместо огромной Империи, существовала мозаика государств, масса свободных городов и княжеств. Вот к какому состоянию следует вернуться, вот цель, к достижению которой надо стремиться, если мы не хотим постоянно наткаться на одни и те же грабли»¹⁸. Однако далеко не все французы разделяли эти установки, и Бэнвиль прекрасно отдавал себе в этом отчет. Либеральные буржуа, влиятельные политики, социалисты были пропитаны прогрессистскими идеями XIX века. «Голоса Кине, Мишле еще резонируют в их ушах»¹⁹. 28 июня 1919 г. случилось то, чего так опасался журналист. Национальная идея вновь навредила французской политике.

Жак Бэнвиль дал меткое определение Версальскому миру: «Слишком мягкий мир при всей своей жесткости и слишком жесткий при всей своей мягкости»²⁰. Договор оставил Германии ее политическую мощь, одновременно унизив ее требованиями непомерных репараций и демилитаризации, территориальными потерями в пользу малых государств на восточной границе и т.д. Ж. Бэнвиль отказывал Версальскому договору в политичности, ибо равновесие сил не было его результатом. Версальский договор, по его мнению, был сугубо нравоучительным, «написанным читателями Библии для читателей Библии»²¹. Рассудив, что у Германии достаточно причин для реванша в близком будущем, Бэнвиль описал процесс развязывания Второй мировой войны. В Германии появится харизматический лидер, который приведет в движение германский милитаризм, последуют аннексия Австрии, подрыв государственных образований Центральной и Восточной Европы посредством немецких меньшинств, германо-советское сближение на почве притязаний на польскую территорию. «Сгруппировавшейся посередине Европы, как дикий зверь, Германии стоит выпустить лишь коготь, чтобы воссоединить с собой островок Восточной Пруссии. В этом жесте вписаны будущие несчастья Польши и Европы»²². Версальский договор, делал вывод писатель, не урегулировал германскую проблему, которая осталась, как и в довоенный период, главной заботой Франции.

В послевоенной Европе Ж. Бэнвиль имел репутацию знатока международных дел. Его предвидения и предупреждения имели хождение в печатном виде, но ему не удалось изменить ход событий, предсказанных с такой прозорливостью. И здесь приходит на ум параллель с персонажем древнегреческой мифологии Кассандрой, дочерью Приама. Прорица-

тельница, как известно, предупредила троянцев об опасности, таящейся в гигантском деревянном коне, оставленном ахейцами у ворот города, но никто не поверил ее словам. В результате, коварный замысел греков удался, ворота открылись и спрятанные внутри коня вооруженные воины захватили Трою, предав город огню и разгрому. Подобно голосу Кассандры, голос Бэнвиля раздавался в людской пустыне (*Vox clamans in deserto*).

Не стоит, тем не менее, идеализировать проницательного писателя. Как следует из вышесказанного, журналист и историк Жак Бэнвиль был далеко не безупречен в своих высказываниях. Отстаивая заранее заданные тезисы, ему случалось допускать преувеличения. И он не всегда мог предложить адекватные решения проблем. Так, абсолютно иллюзорно выглядит лелеемая им идея расчленения Германии, чтобы вернуть ее к мозаичному состоянию конца XVIII века. Но главное в творческом наследии Бэнвиля не это и даже не роялизм, а то понимание реалистичной политики, которое он неустанно пропагандировал. Идеалистическая политика, основанная на щедрых идеях, дорого обошлась Франции. «Политика состоит в предвидении»²³, – писал он. Основанная на историческом опыте, на знании людей и народов, политика чужда всякого рода отвлеченных теорий и руководствуется национальным интересом. Только знающие историю и умеющие извлекать из нее уроки государственные деятели способны быть авторами выгодного для нации политического курса.

¹*Gueniffey P.* Histoire de la Révolution et de l'Empire. Paris, 2010. P. 659.

²См.: *Montador J.* Jacques Bainville. Historien de l'avenir. Paris, 1984. P. 32.

³*Maurras Ch.* Mes idées politiques. Paris, 1937. P. 279.

⁴*Ibid.* P. 285.

⁵*Montador J.* Jacques Bainville... Epigraphe. P. 7.

⁶Цит. по.: *Ibid.* P. 58–59.

⁷*Kerautret M.* Histoire de la Prusse. Paris, 2005. P. 353.

⁸*Ibid.*

⁹*Bainville J.* Journal 1901–1918. Paris, 1948. P. 142.

¹⁰*Ibid.*

¹¹*Ibid.* P. 151.

¹²*Ibid.*

¹³См.: *Gueniffey P.* Histoire de la Révolution et de l'Empire... P. 690–694.

¹⁴*Bainville J.* Journal inédit (1914). Paris, 1953. P. 17–18.

¹⁵См.: *Keynes J. M.* The Economic Consequences of the Peace. New York, 1920; *Тарле Е. В.* Три катастрофы (Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир) // *Анналы.* 1922. № 2. С. 54–94.

¹⁶*Bainville J.* Journal 1901–1918... P. 153.

¹⁷*Ibid.* P. 154.

¹⁸*Ibid.* P. 157.

¹⁹*Ibid.*

²⁰*Bainville J.* Les conséquences politiques de la paix. Paris, 1920. P. 24.

²¹*Ibid.* P. 21.

²²*Ibid.* P. 28.

²³*Ibid.* P. 30.